

КРЫМСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ

Владимир Жуков

ШКАТУЛКА

С

ЖЕМЧУГОМ

Владимир Жуков

Шкатулка с жемчугом

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Жуков В. А.

Шкатулка с жемчугом / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Остросюжетные повести, рассказы и судебные очерки по мотивам преступлений и происшествий, совершенных на территории Крыма за последние двадцать лет. Произведения написаны по материалам резонансных уголовных дел и с элементами художественного вымысла. Имена «героев» по морально-этическим соображениям изменены.

ШКАТУЛКА С ЖЕМЧУГОМ

1

Резкий телефонный звонок заставил Щеглова оторвать взгляд от материалов уголовного дела.

– Слушаю, – взял он трубку.

– Владимир Васильевич, звонит какой-то чужак, – сообщил дежурный по УВД майор Крупин. – Себя он не называет, однако настойчиво требует соединить его с кем-нибудь из следователей. Уже поздно, кроме вас никого из следователей нет на месте, поэтому я решил ... Возможно, его информация представляет оперативный интерес.

– Соединяйте, – разрешил следователь и через три секунды услышал голос незнакомца:

– Вы следователь?

– Да, капитан Щеглов, – подтвердил Владимир и попросил.

– Представьтесь, с кем имею честь?

– Пока я воздержусь, – замялся мужчина. – Нас могут подслушать.

– Тогда назовите свой адрес.

После короткой паузы незнакомец нехотя назвал адрес. Щеглов записал его на листке календаря.

– Вас что-то беспокоит? Вам угрожают?

– Это не телефонный разговор, я хотел бы с вами встретиться с глазу на глаз. В понедельник утром, устроит?

– Хорошо, если ситуация терпит, то жду вас в УВД в восемь часов утра, – согласился следователь.

– В УВД не надо, – возразил незнакомец. – За мною может быть слежка. Давайте у кафе “Ассоль”. Я буду в темно-зеленом плаще с белым шарфом.

Связь оборвалась. «Действительно, чужак, тумана напустил, – подумал Щеглов. – Что за этим кроется? Розыгрыш, ловушка или звонившего обуял страх, мания преследования. Сейчас немало людей с расстроенной психикой на почве пьянства, безнадёги и нищеты. Возможно, угроза реальна? Свой ли он назвал адрес? Иногда криминалитет прибегает к ложной информации, чтобы оторвать от срочных дел, получить выигрыш во времени. К встрече надо подготовиться во всеоружии. Попрошу Белозерцева, чтобы подстраховал».

Щеглов велел Крупину через ИЦ УВД выяснить, кто проживает по названному адресу и вскоре тот доложил: – Некий Хрусталева Ефим Натанович, ранее не судимый, без определенного рода занятий. Эта фамилия следователю ничего не говорила, не вызвала никакой информации и ассоциаций. Однако озабоченный странным звонком, он поздно оставил свой кабинет.

2

В актовом зале УВД было оживленно и шумно. Еще с вечера просочилась информация о том, что утром прибывает начальник главка генерал-майор милиции Георгий Москалев. Сотрудники давно привыкли к тому, что высокое начальство обычно навещается по двум причинам: либо распекать за рост преступности и низкую раскрываемость, либо воздать почести за успехи в оперативно-розыскной, профилактической деятельности, что случалось довольно редко.

Василий Белозерцев и Владимир Щеглов находились в зале среди коллег. “Оснований для снятия стружки” вроде бы нет, – размышлял Василий. – Рост количества преступлений ниже среднего показателя, а уровень раскрываемости выше. Очевидно повод для приезда генерала иной. Хотя, когда начальство было полностью довольное работой своих подчиненных?”

Во двор мягко выехала черная “Волга” из нее вышел статный, выше среднего роста мужчина. Золотое шитье генеральских погон на мундире, широкие красные лампасы на брюках

не оставляли сомнений в визите начальника главка. Встретившие его начальник городского отдела полковник милиции Максим Ребров и трое его заместителя по бодрому настроению генерала поняли, что он прибыл доброй миссией. Едва Москалев вошел в притихший зал, как заместитель начальника по личному составу майор Жарков зычно скомандовал:

– Товарищи офицеры!

Сотрудники дружно встали с мест и замерли по стойке “смирно”. Москалев приветствовал их услышав четкий отзыв: – Здравия желаем, товарищ генерал!

– Вольно! – жестом руки он велел сесть. Затем вместе с Ребровым и несколькими старшими офицерами поднялся на сцену, разместились за столом президиума. Ребров поднял руку и воцарилась тишина. Он предоставил слово генералу Москалев встал за трибуну, окинул взглядом собравшихся, выдержал паузу.

– Уважаем офицеры и сержанты! – произнес он густым басом. – Я прибыл к вам с добрым настроением, хотя, безусловно, проблем в нашей с вами службе немало. Они связаны с тем, что негативные тенденции в экономике и социальной сфере нарастают, и это усложняет криминогенную ситуацию в Крыму, да и в других регионах.

Усилиями только правоохранительных органов, в том числе милиции, всех проблем и задач по охране правопорядка решить невозможно. Тем не менее, личному составу вашего отдела удастся сдерживать рост преступлений, раскрывать их по “горячим следам”. В этом заслуга особо отличившихся сотрудников, которые, не считаясь с личным временем, ведут решительную борьбу с правонарушителями. Мне была приятная миссия огласить приказ министра внутренних дел о поощрении ряда сотрудников за раскрытие особо тяжких преступлений. Генерал прочитал строки из приказа:

– За безупречное выполнение служебного долга и профессиональное мастерства досрочно присвоить очередные специальные звания: майора милиции старшему оперуполномоченному уголовного розыска капитану милиции Белозерцеву Василию Николаевичу с вручением ему ценного подарка – именных часов.

Белозерцев под дружные аплодисменты вышел к трибуне. Москалев вручил ему майорские погоны и наручные часы с дарственной надписью. Крепко пожал руку.

– Служу Отечеству! – четко ответил Василий. Генерал назвал в алфавитном порядке еще несколько имен отличившихся сотрудников, заслуживших очередные звания, награжденных знаками «Отличник милиции», медалями «За безупречную службу» различных степеней, ценными подарками.

“Будет несправедливо и обидно, если в этом списке не окажется фамилии Щеглова, – с тревогой подумал Белозерцев. – Мы с Володей, как альпинисты, работаем в прочной связке и поэтому вправе разделить общий успех.” Наконец к удовлетворению Василия прозвучала фамилия Щеглова. Приказом начальника главка его наградили знаком «Отличник милиции» и ценным подарком стерео-магнитофон «Маяк».

После завершения торжественной части Москалев, Ребров и его заместители удалились в кабинет полковника для обсуждения текущих задач, а Белозерцев, Щеглов и другие сотрудники, удостоенные почестей, попали в плотное кольцо коллег.

– Когда фуршет-банкет? – заседали они. – Звезды следует обмыть, чтобы не заржавели или, упаси Бог, не слетели. Святая традиция, которую никому не позволено нарушать.

– В воскресенье, пикник на природе! – пригласил новоиспеченный майор Белозерцев, посоветовавшись с Щегловым, решив, что ничто человеческое им не чуждо. Имеют они право в оперативно-розыскной гонке перевести дух, пообщаться в кругу друзей в неформальной обстановке снять стресс.

У Щеглова и Белозерцева срочных дел, которые бы прихватили и воскресенье, не было. Они заблаговременно приготовились к пикнику с выездом на природу поблизости одной из насосных станций Северо-Крымского канала. Припасли продукты и напитки. Прослышав, что

инспектор вневедомственной охраны старшина Анатолий Тарасенко готовит отменные шашлыки, попросили его блеснуть мастерством и тот охотно согласился. Он еще с вечера заготовил мясо в рассоле со специями.

Собралась группа из одиннадцати человек. Начальник угрозыска подполковник Михаил Бурцев пообещал подъехать через час, Майор Вадим Жарков, по должности отвечавший за воспитание и дисциплину личного состава, не пропускал ни одного подобного рода мероприятия. Он строго следовал правилу: в любое время суток замполит обязан знать с кем и чем заняты его подчиненные. Это позволяло ему контролировать ситуацию, ведь «стружку» за нарушения, допущенные сотрудниками, в первую очередь снимали с него, вызывая в Симферополь на «ковёр».

Расположились в небольшом и уютном пригородном урочище. Анатолий хлопотал возле котла, в котором закипала баранья шурпа, а в мангале с потрескивающими углями готовились на шампурах шашлыки. Выбрали место на небольшой поляне под сенью клена с золотисто-багряной листвой. На пожухлой траве, следами диковинного зверя лежали опавшие листья.

– Как дела кулинарные? – вдыхая ароматный дым, плывущий над мангалом с лилово-красными углями, поинтересовался у Анатолия Жарков. – Пора бы уже отведать твои изделия.

– Через пять минут будет готово, – ответил старшина, вспыскивая сухим вином нанизанные на стальные шампура ароматные кусочки мяса с дольками красных помидоров.

– Горячее сырым не бывает, – с видом знатока изрек майор. Аппетитный запах витал над котлом с кипящей шурпой. Тем временем Белозерцев с друзьями выгрузили из микроавтобуса провиант: напитки, овощи, фрукты, янтарные и иссиня-черные гроздья винограда – Муската гамбургского и Изабеллы. Расстелили на пожухлой траве широкий брезентовый тент.

– Напрасно мы не взяли жен, – посетовал Щеглов. – Придется самим заняться сервировкой стола. А это очень тонкое искусство. Куда проще бандитов вязать.

– Вот и займись, Володя, этим искусством, а то горло пересохло, – поймал его на слове Василий. – Да, магнитофон включи для поднятия тонуса. Послушаем и оценим, хорош ли генеральский подарок. Хотя даренному коню в зубы не смотрят.

– А каковы часы именные, идут, не торопятся, не отстают? – задал встречный вопрос Щеглов.

– Конечно, идут нормально, – улыбнулся майор. На помощь Владимиру поспешил вездесущий Тарасенко, и вскоре стол, точнее тент, был заставлен закуской, салатами из помидоров, огурцов, сладкого перца с ялтинским луком и зеленой терпкой кинзой. В кастрюле парил отварной картофель, присыпанный укропом и петрушкой, в тарелках нежились маринованные огурчики и грибы, сельдь, скумбрия, камбала-глосса и прочая снедь.

Щеглов принес и включил магнитофон – зазвучала веселая мелодия. Пела Анне Веске, а за ней Валерий Леонтьев, которого сотрудникам довелось видеть воочию во время фестиваля «Крымские зори». Облачившись в белое одеяние, певец под овации публики носился по зеленому полю стадиона. А затем с участием Валерия и других звезд эстрады состоялось пиршество в одном из живописных мест под шатром плакучих ив у Северо-Крымского канала.

Правда, перед тем, как отправиться на пикник по настоянию оперного певца Анатолия Соловьяненко, начальник милиции провел экскурсию по ИВС, расположенном под зданием милиции, что произвело на именитых артистов, оказавшихся в мрачной атмосфере подземелья, тягостное впечатление.

– Толково, замечательно, – придиричиво изучая сервировку стола, оценил Жарков. – Настоящий достархан. Сюда бы еще бешбармак и плов...

– И сало-бекон – национальное блюдо, стратегический продукт, – пошутил Тарасенко.

– Обойдемся шашлыком и шурпой, – ответил Белозерцев. – Нам обжорство противопоказано. Мы не должны обрастать жиром, иначе не догнать и не взять преступника. Волк тем и силен, что голоден и зол.

– Да, сыщика, как волка, ноги кормят,– заметил замполит.

– Шурпа готова! – сняв пробу, провозгласил старшина. – Вкусна, за уши не оторвешь..

– Подавай! – приказал замполит.

– Погоди,– дал “отбой” Анатолию Белозерцев. – Немного подождем Бурцева, не красиво без него начинать. А пока я расскажу потешный случай, похожий на анекдот.

– Валяй,– согласился Жарков, хотя вмешательство Василия ему не понравилось, так как подчиненный нарушил субординацию. Но в данной ситуации он счел благоразумным не качать права, проявил дипломатичность.

– Знаете, почему во время последней праздничной демонстрации работа милиции первым секретарем горкома была оценена на “неуд”? – спросил Василий.

– Рассказывай,– донеслось разных сторон.

– В оцеплении оказалась брешь и бродячая собака затесалась в стройные ряды демонстрантов. Под бравурные марши прошла мимо трибуны с высоким начальством. Попытка изгнать испуганную, окруженную со всех сторон людьми собаку окончились тем, что она, дико зарывав, чуть не искусала милиционера. Это отравило праздничное настроение “отцов города”. Особенно возмущался мэр, упрекнувший Реброва за то, что если его подчиненные неспособны справиться с собакой, то с преступниками и подавно. Теперь накануне праздников всех бродячих собак изгоняют подальше от центра города.

– Получается, что во всем милиция виновата,– рассмеялись сотрудники. – Всех собак на нас вешают.

– Василий, меня насторожил один звонок, – обернулся Щеглов к Белозерцеву. – Вчера вечером, через полчаса, как ты ушел по телефону позвонил какой-то странный мужчина. Его на меня дежурный по УВД навел. Имя свое незнакомец не назвал. Попросил о встрече, обещал сообщить важные факты, которые могут заинтересовать милицию.

– И что ты ему посоветовал?

– Велел ему прийти утром в понедельник. Он предложил встретиться вне здания милиции. Очевидно, опасается слежки.

– Может он, того, с «приветом?», – усомнился Белозерцев. – Сейчас от нищеты у некоторых граждан «Крыша» едет.

– Не похоже, что псих, говорил вполне серьезно.

– Координаты он назвал?

– Отчасти, поэтому пришлось выяснить через ИЦ УВД, – ответил следователь. – Судя по всему, ему кто-то угрожает. Сейчас рэкет набирает силу. Возможен и шантаж.

– Ни слова о службе,– вмешался в разговор Жарков. – Давайте поговорим о литературе, живописи, театре, в общем об искусстве... Или давайте споем, с меня требуют участия личного состава в смотре-конкурсе художественной самодеятельности. Тренируйтесь, репетируйте, чтобы не ударили в грязь лицом и выступили, штыки.

– Наша служба и опасна и трудна и порой она как будто не видна... – начал словами песни из популярного телесериала «Следствие ведут знатоки», словно излагал лекцию на занятиях. Несколько голосов подхватили и сникли.

– Нет, без допинга не получается,– махнул рукой Вадим. – Где там Бурцев запропастился, пора бы и начинать, а то звезды заржавеют и вино прокиснет.

– Легок на помине,– обрадовался Белозерцев все увидели мчащуюся по проселку автомобиль «Нива» красного цвета.

– Наливай по полной!– подал команду замполит.

– Какую именно? – спросил Тарасенко.

– Нашу “Русскую”. К черту разных там «кайзеров» и прочий импорт,– с пафосом заявил Жарков. Белозерцев бросил на дно граненого стакана большую майорскую звезду, а Щеглов – нагрудный знак “Отличник милиции”.

– Эмаль слезет,– заметил кто-то из ребят.

– Ничего страшного, это тебе не самогон, который горит синим пламенем, – ответил Владимир. «Нива» подъехала в тот момент, когда все было готово к тосту.

– Заждались, товарищ подполковник,– слегка упрекнул замполит, подавая стакан с водкой.

– Погоди, Вадим,– посторонился Бурцев и подошел к Щеглову и Белозерцеву. – Не хотел вас, ребята, беспокоить, но преступление слишком серьезное, совершено на обслуживаемой вами территории. Убийство в квартире.

Бурцев назвал адрес и фамилию убитого.

– Так это адрес того чудака, что мне звонил,– вспомнил Щеглов. – У нас с ним была назначена встреча.

– Вот и встретитесь. Нельзя терять ни минуты, только розыск по «горячим следам» гарантирует успех, – поторопил подполковник. – Вы готовы?

– Да, ни в одном глазу, прозрачны, как стеклышко, – за двоих ответил Белозерцев, с досадой глядя на стакан с водкой, на дне которого сверкали звезда.

– А как же шашлыки? – огорчился Тарасенко. – Примите граммов по сто на «грудь» для моторности.

– Нет, энергии у нас достаточно. Будь добр, Анатолий, заверни нам в дорогу и шашлыки и прочее,– попросил следователь. – В перерыве от дел дегустируем твое изделие. А вы, ребята, продолжайте.

– Через полчаса и мы свернемся,– подал голос Жарков. – Коль обстановка в городе накалена, то делу – время, а потехе – час.

Щеглов и Белозерцев, так и не поддавшись соблазну “выпить граммов по сто, сели в «Ниву» и Бурцев круто развернул машину и выехал на проселочную дорогу.

– Спустя час, как вы отправились на пикник, позвонили жильцы дома,– пояснил подполковник. – Соседи сообщили, что в пять часов утра слышали шум и голоса в квартире № 5. Но поначалу не придали значения – мало ли кого бессонница мучает. А потом жалобно заскулила собака, обычно редко подающая голос. Соседи стали звонить, но никто не открыл дверь, лишь с внутренней стороны слышно было, как скреблась собака. Заподозрили что-то неладное и сообщили в милицию.

– Вот оно как обернулось,– произнес следователь. – Что же он мне хотел сообщить? Унес тайну в могилу, но мы обязаны ее разгадать, установить личность злодея и сурово наказать.

– Да, обязаны,– поддержал его Василий. – Это дело нашей чести. После визита генерала нельзя ударить в грязь лицом.

– Если прокуратура не возьмется за расследование этого дела, то придется вам, ребята, его раскручивать, – подчеркнул подполковник.

– Нам не привыкать,– ответил майор, так и не успевший обмыть звезды.

3

Не заезжая в УВД, прибыли прямо на место преступления. Квартира погибшего тридцатипятилетнего Льва Хрусталева находилась на втором этаже пятиэтажного дома. Встревоженные происшествием, у подъезда и на лестничной площадке толпились любопытные жильцы. Уговоры участкового инспектора разойтись, не мешать, остаться только тем, кто располагает полезной информацией, мало действовали.

– Товарищ майор, что делать с собакой хозяина? – спросил Белозерцева участковый, едва он переступил порог квартиры. Из смежной комнаты доносился жалобный вой.

– С большим трудом удалось пса запереть,– продолжил участковый. – Никого не допускал к труп хозяина. Его после осмотра судмедэкспертом и криминалистом отправили в морг.

– Собакой пусть займется кинолог старшина Криничный. Отвезет ее на время в вольер, – велел майор. – Кстати он должен быть здесь с Пальмой. Срочно вызовите его.

– За ним уже отправили машину.

Щеглов и Белозерцев прошли в гостиную и в присутствии понятых приступили к осмотру места преступления. Расстеленный на полу ковер был залит кровью. На журнальном столике стояла бутылка из-под коньяка «Наполеон», на блюдечках красная икра, ломтики сыра и колбасы. Три хрустальные рюмки и керамические чашечки с недопитым кофе. Рядом пепельница в форме морской волны и раскрытая пачка сигарет «Кэмел».

– Кто распорядился увезти труп? – спросил Щеглов.

– Судмедэксперт Журбин, – ответил участковый инспектор.

– Поторопился, – недовольно произнес следователь. – До нашего прибытия все должно было быть нетронутым.

– Странное преступление, явно не с целью ограбления, – предположил Бурцев. – Очевидно, с Хрустальевым кто-то свел счеты, но каковы мотивы? То, что убийцу или убийц не интересовали вещи жертвы было ясно по первому, беглому осмотру квартиры. Японский видеомагнитофон «Sony», телевизор «LG», множество хрустальных изделий за стеклом мебельной стенки, как и дорогая одежда хозяина, оказались нетронутыми. В баре стояло, отражаясь в зеркале, несколько бутылок коньяка, водки и марочных вин от фирм «Массандра», «Дионис», набор французских духов и косметики. «Одинок, без жены, духи и косметику, наверное, припас для любовницы, – подумал Белозерцев. – Значит, у него была женщина, возможно не одна, судя по достатку. Верно, в таких случаях говорят: ищите женщину».

Интерьер квартиры поражал роскошью и безвкусицей. Хрусталеву явно не доставало утонченности и эстетического вкуса.

– Как он был убит? – спросил Щеглов у начальника угрозыска.

– Сначала против него применили газовый баллончик, а потом перерезали горло. Отпечатки пальцев не обнаружены, очевидно, действовали в перчатках, а рюмки тщательно протерли. Рот погибшего был заткнут однодолларовой купюрой. Откровенный намек – мол, жадность фраеру погубила.

– Каким способом они покинули квартиру?

– Полагаю, что на входную дверь их не пустила собака, и они ушли через балкон, дверь которого была едва прикрыта. – пояснил подполковник.

Василий по количеству рюмок и чашек давно понял, что преступников было двое, а третий, возможно, находился на стреме или поджидал в машине.

– Пока поступят результаты различных экспертиз, глубоко изучите личность погибшего, – велел Белозерцеву начальник угро. – Прежде он в поле нашего зрения не попадал. Поинтересуйтесь кругом общения Хрусталева. Побольше, побольше информации, чтобы получить ключ к раскрытию. Дерзайте, у вас хороший с Владимиром дуэт. Желаю удачи.

Бурцев отбыл в УВД. А вскоре прибыл Криничный с овчаркой Пальмой. Собака взяла след, но у подъезда зачихала, заметалась из стороны в сторону.

– Похоже, специально табак рассыпали, – с огорчением сообщил кинолог. Услышав это один из жильцов – заядлый курильщик – выругался вслух:

– Вот козлы паршивые, здесь без курева уши пухнут, а они табаком сорят. Задавил бы своими руками. Лева тоже, хорош гусь, доигрался. Все форсил, грудь колесом, богатством похвалялся, молодых девок, как перчатки менял. Квартиру в публичный дом превратил. Кто его, дурня за язык тянул? Теперь все прахом пойдет. Жаль Джима, хороший, верный пес. Кому достанется? Взял бы к себе, да самому жрать нечего, пенсия, как кот наплакал... А псу надо мясо, кости...

Старшина Криничный с Пальмой и усмирленным Джимом на УАЗе отправились в УВД, во дворе которого находился вольер для служебно-розыскных собак. «Дай, Джим, на счастье

лапу мне, такую лапу не видал я сроду. Давай с тобой полаем при луне на тихую, бесшумную погоду. ” – невольно вспомнились Белозерцеву есенинские строки. Он подошел к словоохотливому мужчине с исхудавшим лицом и сообщил:

– За собаку и имущество не волнуйтесь, по наследству перейдут родственникам.

– Нет у Левы родни, один, как перст, – ответил мужчина, охотно приняв из рук Василия пачку сигарет. – Была мать, Роза Львовна, он у нее единственный сын, так померла, бедная, от рака год назад. Так и не дождалась внуков. Непутевый, мотался черти где, ни жены, ни детей. Жил, как куркуль, в свое удовольствие, все под себя греб сигаретой лишний раз не угостит. Чувал я, что это добром не кончится. Мужчина распечатал пачку, закурил, пуская голубоватые кольца дыма.

– Говорите, бедная, а дом – полная чаша. Импортных вещей, как на развалах рынка?

– Так это он за последний год шибко разбогател, – ухмыльнулся курильщик. – Можэ клад выкопал или в лотерею выиграл? У него и машина есть, называется «Шкода». Вот и получилось, что шкода, озорство. Сам то я всю жизнь горбатился на стройке. Велосипед только и смог купить. На рыбалку езжу, бычков ловлю, часть на базаре продаю, тем и живу. А Лева горя не знал, как сыр в масле катался. И откуда у него валюта, ума не приложу? Можэ кого ограбил?

– Где Хрусталеv работал?

– Скрытым был, слово из него клещами не вытянешь, – продолжил мужчина. – Надолго пропадал, приезжал ночью. Изредка поручал мне за курево приглядеть за Джимом. Слышал, что он одно время в каком-то кооперативе работал. Однажды поинтересовался, а он в ответ: “Не твоего ума дело, коммерческая тайна”. Так я и перестал допытываться. Оно и верно, житуха щас такая, что меньше будешь знать, спокойно будешь спать. Все пороки от богатства и жадности.

– Прямо философ, мудрец, – улыбнулся майор, поблагодарил собеседника и, доброжелательно взглянув на притихших граждан, спросил:

– Кто еще о Хрусталеve добавит?

– О покойниках не принято плохо говорить, но я несколько раз видела Льва с незнакомыми женщинами, – нерешительно произнесла пожилая блондинка. – Он извините за грубое слово, телками их называл, как на ферме. Дело, конечно, молодое, не бобылем же ему ночи коротать. Бог простит ему прегрешения. Все мы там встретимся, но упаси Господь, от такой страшной смерти... Как барана зарезали.

Женщина неспешно перекрестилась.

– Спасибо, ваши показания нам пригодятся. Не удивляйтесь, если кого-нибудь из вас вызовем повестками в милицию. Это ваш гражданский долг – помочь следствию изобличить преступника, чтобы за злодеяние нон был наказан.

Дополнительной информации о Хрусталеve и событиях минувшей ночи майору получить не удалось, так как не была очевидцев преступления. Это затрудняло розыск, хотя выезды из города были блокированы работниками ГАИ и экипажами ДПС с момента констатации факта преступления.

– По почерку похоже на вендетту, – сказал Щеглов. – Наверное, что-то не поделил с корешами и произошла жестокая разборка. Успел ли Лева кого-нибудь поранить и насколько серьезно ранение?

– На этот вопрос ответ даст экспертиза и после исследования пятен крови, – заметил Белозерцев. – Но на балконе – пути отхода преступников кровавых следов не обнаружено. Не исключена и такая версия, что Хрусталеv решил выйти из “игры”. Такой шаг подельники и прощают. Возможно, они узнали о его звонке в милицию и опередили события.

– Возможен и такой поворот, – согласился следователь. – Надо выйти на кооператив, в котором прежде работал Хрусталеv. Это позволит понять мотивы и действия погибшего. Без всяких сомнений он занимался доходным бизнесом и за короткое время разбогател.

Условились одного из оперативных работников оставить на квартире, а участковому поручили обеспечить наружное наблюдение, на случай, вдруг кто-то неожиданно наведается или позвонит по телефону.

4

—Котик, мне скучно. Я приеду, можно? – в телефонной трубке, которую после двухсуточного бдения в квартире Хрусталева поднял оперуполномоченный угрозыск лейтенант милиции Валерий Кравец, послышался ласковый женский голос. Офицер соображал, как быть. После короткой паузы и напряженного дыхания все тот же нежный голос спросил:

– Дева, почему молчишь? Не разыгрывай меня, я извелась, не могу без тебя, без твоих нежных рук и губ. Ты не один, признайся? У тебя женщина? Меня предупреждали, что ты бабник, ни одну юбку не пропустишь. Какая я несчастная, некому пожалеть...

– Приезжай, пожалею, – мягко ответил лейтенант.

– Ой, это не Лева, а кто тогда? – вскрикнула женщина. – Алик, это ты?

– Я, я, – повторил Валерий, но связь прервалась. Кравец быстро сориентировался – оставил трубку рядом с телефонным аппаратом и из соседней квартиры позвонил АТС. Через десять минут ему сообщили номер абонента, выходившего на связь с телефоном Хрусталева. Лейтенант проинформировал об этом Белозерцева, а тот Щеглова.

По телефонному справочнику, а затем в адресном бюро уточнили личность абонента – Панкратова Диана Аскеровна. Надо срочно навестить Панкратову, чтобы она, если располагает опасной информацией, не разделила участь сожителя, твердо решил они. Но, так, чтобы их визит не вызвал у нее подозрений. Вдруг она соучастница убийства. Некоторые женщины, если учесть, что Хрусталев забавлялся и с другими, на почве ревности способны на многое.

– Есть испытанный способ под видом проверки паспортного режима, – предложил Белозерцев. – Вспомни, как мы на заре туманной юности выявляли наркоманов, самогонщиков, изымали аппараты, закваску и готовый продукт.

– Да, веселее было время, особенно после горбачевского указа о борьбе с пьянством, когда из-за чиновничьей дури пострадали крымские виноградники, – улыбнулся следователь. – Займись, Василий, проверкой паспортного режима, а я попробую отыскать кооператив, в котором работал Хрусталев. Надо рационально распределять наши ограниченные средства и силы.

В тот же вечер Белозерцев вместе с представителем ЖЭКа в доме, где жила Панкратова, проверили прописку граждан в нескольких квартирах и поднялись на седьмой этаж. Хозяйка долго не открывала, очевидно, у ее знакомых был условный сигнал. Наконец послышались робкие шаги и настороженный женский голос: – У нас все дома, кого несет нелегкая?

– Милиция. Проверка паспортного режима, – строго произнес майор.

– Я вас не вызывала, приходите в другой раз, мне нездоровится, разболелась мигрень, – заупрямилась женщина. – Я принимаю ванну, пока дали горячую воду.

– Гражданка Панкратова, не ломайте комедию, открывайте! – потребовал представитель ЖЭКа. – Горячей воды в ближайшее время не предвидется, поэтому соображайте, прежде чем сказать. Товарищ майор при исполнении, долго ждать не намерен. В противном случае вынуждены будем взломать дверь кувалдой. Ты в квартире одна или с ухажером? Где твой Лева потерялся?

– Не вторгайтесь в чужую жизнь, – ответила Диана Аскеровна, признав голос чиновника. – Прямо разогналась, бегу, аж спотыкаюсь, встречая дорогих гостей. Я не одета.

– Так, живо одевайтесь, а не устраивайте стриптиз, – сурово изрек Василий.

– Господи, до смерти надоели со своими глупыми проверками, – возмутилась она. – Как проходной двор, ни минуты покоя. То из милиции, то из ЖЭКа, то из теплосети... Косяком идут, словно у меня притон или ночлежка.

– Это нас не волнует, выполняйте инструкцию, – сухо сказал чиновник, военный отставник, внедривший армейские уставы в работу своей конторы. Тщательно сквозь «глазок», изучив гостей, Панкратова открыла дверь. В тесной прихожей однокомнатной квартиры Белозерцев в мягком свете настенного светильника увидел среднего роста стройную, привлекательную женщину с туго стянутым на затылке узлом черных волос. Они были сухими и Василий невольно улыбнулся по поводу «приема ванны». Диана выглядела лет на тридцать. Рядом с ней стояла, с любопытством взирая на вошедших, девочка-подросток лет четырнадцати-пятнадцати от роду.

– Кто проживает на данной жилплощади? – наступал на нее грузным телом жэковский чиновник. – Отвечайте по форме, Панкратова!

Майор мягко рукой отстранил ретивого чиновника и вежливо попросил:

– Принесите паспорт.

– Пожалуй, на этой квартире мы завершим проверку, – сказал он чиновнику. – Вы свободны, займитесь своими функциями в соответствии с должностной инструкцией.

Но отставник не торопился уходить, мялся у двери, бросал подозрительные взгляды на майора. Потом решился, подошел и шепнул на ухо: “Будьте с ней осторожны, она женщина легкого поведения. Это, конечно, ваше личное дело, но я посчитал долгом предупредить. Не советую сближаться, могу быть неприятности по службе. Жалуются на нее соседи, ведет аморальный образ жизни”.

– Вы свободны, – жестко повторил Белозерцев и чиновник с недоумением удалился. Панкратова принесла паспорт. Василий проверил штамп о прописки и, словно ненароком спросил:

– Диана Аскеровна, что вам известно о Льве Хрусталева?

– О Льве? – опешила женщина и после паузы нехотя призналась. – Я знакома с ним, но в последние четыре дня мы не виделись. Что-нибудь случилось?

Майор раздумывал: сообщить сейчас или повременить? Эффект неожиданности, нередко, результативнее окольных бесед.

– Да, случилось. Хрусталева найден убитым в своей квартире, – спокойно, следя за реакцией женщины, сообщил он.

– Ой, – обмерла Диана, поднеся ладони к лицу. – Я чувствовала, что беды не миновать.

– Что у него с кем-то был конфликт? Вы кого-то подозреваете? Отвечайте, живо!

– Нет, ах, какая я невезучая. Он обещал на мне жениться, – сокрушалась Панкратова. – Собираясь к свадьбе подарить бусы из натурального жемчуга. Теперь ни мужа, ни бус. Несчастливая я женщина, как с молодости жизнь не заладилась, так пошло-поехало.

Заслышав причитания и всхлипывания матери, на кухню вбежала ее дочь, бросившая сердитый взгляд на Белозерцева, приняв его за обидчика.

– Ирочка, оставь нас одних, – попросила ее Панкратова и та, поджав капризные губки, удалилась, сообщив:

– Я пошла на дискотеку!

В подтверждение хлопнула входной дверью.

– Диана Аскеровна, ради безопасности своей и дочери будьте со мной откровенны, – потребовал майор, поняв по выражению ее лица, по тревоге в карих глазах, что она что-то скрывает. – У Хрусталева были враги? Кто они?

– Я не знаю их, лишь смутно..., – призналась женщина. – Однажды они пришли глубокой ночью, когда я была у Левы в гостях. Попросила его не открывать, позвонить в милицию, он ответил, что с милицией лучше не связываться. Свои проблемы он решает собственными силами.

Впустил их, я тогда находилась в спальне. Слышу шум, о каком-то сундуке говорят, назревает драка. Тогда я прямо в пеньюаре вышла, откуда, только смелость взялась. Вижу их двое в полумраке, прижали его к стене. Один руки заламывает, а другой вцепился пальцами

в горле. Я закричал, как будто меня режут. Они от неожиданности опешили и отпустил Леву. Получается, что я его тогда спасла.

«Что орешь, дура, мы пошутили?» – прошипел один из них и выругался матом, а второй сказал: «Ты все понял?» Лева им что-то ответил и они ушли. Я спросила потом у него, что им надо? Десять тысяч баксов. Хрусталева подозревал Алика, который, наверное, проболтался о его состоятельности. Я боюсь их, у меня дочка, они на все способны, похитят и насильничают девочку.

– Где в тот момент находился Джим?

– На балконе. Лева его запер, когда я приходила, чтобы не мешал нашему общению, – ответила Панкратова.

– Как они выглядели, особые приметы?

– Одни высокий, а второй среднего роста, лет по двадцать пять или тридцать? Короткая стрижка. Оба широкоплечие, в темно-синих джинсовых куртках.

– Кто такой Алик?

– Его школьный друг. Часто заходил за деньгами на лекарства. Так он называл спиртные напитки. Спился, жена от него сбежала, вот Алик и шастал по чужим квартирам. А до этого, говорят, душевный человек был, муху не обидит.

– Назовите фамилию Алика?

– Она у него потешная. Мошкин.

– Вы знаете, где он живет?

– Не знаю.

– Ладно, это не сложно установить. Вы видели бусы из жемчуга?

– Да, бусы и другие драгоценности, – ее зрачки заблестели при напоминании о золоте и самоцветах. Это не ускользнуло от внимания майора.

– Где он их прятал?

– Не знаю. Он проявлял недоверчивость и скупость, когда это касалось валюты и материальных ценностей.

– Что вам известно о его финансовых делах?

– Лева меня не посвящал. Я не настаивала, чтобы раньше времени не поссориться. Вот, если бы официально расписались, тогда бы я его взяла в руки на правах законной жены.

– Были ли у него другие женщины?

– Возможно, при его капитале и шарме, но я не ревновала. Нервные клетки не восстанавливаются, поэтому решила побереечь здоровье. Мне с ним было хорошо, а остальное трюнка.

– Что будет теперь с его имуществом, с машиной, дачей на берегу Азова? – неожиданно заинтересовалась она.

– Наследникам достанется.

– Нет у него наследников. Была мать, Роза Львовна, но богу душу отдала, – сообщила Диана. – А я, ему не чужая, полгода вместе прожили в гражданском браке. За одним столом ели и в одной постели спали. Нас часто соседи видели, могут подтвердить.

«Диана – женщина не промах, себе на уме, не прочь пожить», – подумал майор. – Только шансов никаких. Хрусталева завещание не оставил, рассчитывал на долгую жизнь. А сожителство в отличии от официально зарегистрированного брака, не является основанием для претензий на наследство.» Но решил ее не расстраивать.

– Вам, как это ни прискорбно, придется вместе с нами посетить квартиру Хрусталева, – твердо, не допускающим возражений, тоном сказал Василий. – Выберем для этого удобное время. Вдруг обнаружите какую-нибудь пропажу. Вы ведь хотите, чтобы преступники были задержаны и наказаны по всей строгости закона?

– Хочу, но я боюсь, что они и до меня доберутся, у них длинные руки. Не впутывайте меня, пожалуйста, в это опасное дело. Я ничего не хочу знать, пропади они пропадом.

– Вы обязаны нам помочь, – настаивал Белозерцев. – О безопасности позаботимся. Никому ни слова об этой встрече и разговоре. Предупредите дочь, пусть проявляет осторожность, допоздна не гуляет. На квартиру Хрусталева поедem завтра утром.

Диана Аскеровна, испуганно озираясь, словно кто-то мог их подслушать, согласно кивнула головой.

Тем временем капитан милиции Владимир Щеглов наводил справки о предпринимательской деятельности Льва Натановича Хрусталева. Разговор с председателем кооператива “Грация” Степаном Ильичем Клуней его развеселил.

– Шалопутный этот Лев Хрусталеv, – начал он издаleка. – Не знал, что ему в жизни надо, метался, о большом бизнесе помышлял. Это он, прохиндей, подбил меня заняться выпуском «поясов верности». Убедился, что эти уникальные и дефицитные изделия будут пользоваться большим спросом.

– «Поясов верности»? – удивился следоватeль. – Ведь это же средневековые, совершенно другая эпоха и нравы?

– Не скажите. Я тоже поначалу рассмеялся, но Лева меня убедил.

– Чем же он убедил, каковы аргументы? – усмехнулся офицер.

– Целую лекцию мне по этому поводу прочитал, провел экскурс в историю, – серьезно произнес Клуня. – Суть заключается в том, что Хрусталеv изучил конъюнктуру рынка и пришел к выводу, что некоторые ниши для бизнеса остаются открытыми, не занятыми. Если в юридических фондах и фирмах, таких, как «Правопорядок», «Фемида», «На страже закона» и прочих дефицита нет, то фирм, которые бы занимались охраной и укреплением семейных уз, то есть оберегали семейные очаги, ее величество Любовь. Тема и проблема весьма актуальны. В нашем городе почти треть населения в той или иной мере связаны с морской стихией, особенно, рыбаки.

– Да, рыбакам следует посочувствовать. Суровая романтика, – Щеглов.

– Конечно, те рыбаки, что промышляют на сейнерах СЧС в Черном и Азовском морях, добывая пиленгас, кефаль, хамсу, шпрот, кильку, тюльку, барабульку, ставриду и керченскую сельдь, ненадолго оторваны от дома, семьи, жен и детей. А вот тем, кто добывает рыбу и другие морепродукты в Атлантическом и Индийском океанах на траулерах промышленных объединений «Керчьрыбпром» и «Югрыбпоиск», приходится очень туго.

Они ведут промысел за тысячи миль от родного берега и возвращают через полгода, а иногда и через девять месяцев. Каково их женам в разлуке? Им приходится умирять свои чувства и терпеливо ждать. У рыбаков заграничания невольно возникает тревога, что супруга может не выдержать, ведь гормоны бурлят и плоть требует разрядки. Возникает подозрение, а не завела ли благоверная себе друга на стороне для плотских утех? Никто их рыбаков не желает стать рогоносцем...

– Перспектива, мягко сказать, неприятная, – согласился следоватeль.

– Лева пытался отыскать статистику супружеских измен, но таковой не оказалось, – продолжил Степан Ильич. – Но, доверяя своей интуиции, он пришел к выводу, что в приморских городах измен значительно больше, чем в тех, что расположены вдали от морских берегов.

– Каковы аргументы?

– Во-первых, из-за того, что находятся вдали, многие женщины остаются неудовлетворенными. Во-вторых, в торговый и рыбный порт регулярно заходят иностранные суда. Члены их экипажей, сойдя на берег, ищут любовных приключений, приглашают местных красавиц в ресторан «Меридиан», соблазняют валютой и редко, кто устоит от напора сексуально озабоченных иностранцев. Поэтому в приморском городе лучше условия и выше потребности для случайных сексуальных связей.

– Убедительно.

– Хрусталеv не пожалел на чиновников валюты и добился того, что в пику брачным агентствам, которым выгодно, чтобы было больше разводов, а значит и клиентов для создания новых пар, зарегистрировал МЧП «На страже Любви». Оттыкал двоих специалистов-скорняков и те занялись изготовлением кожаных «поясов верности» на основе старинных эскизов, выпустили опытную партию. Лева разместил рекламу в городской газете и от рыбаков с синдромом ревнивого Отелло, поступили заказы. Женщины, которые ради спокойствия мужей согласились носить «пояса верности», приходили на примерку, так пояса изготовлялись по индивидуальным заказам с учетом физических параметров. Лева, гарантируя высокое качество, прочность изделия, брал предоплату. .

Он был уверен, что «пояса верности» пригодились бы не только женам рыбаков, но и супругам тех мужей, которые из-за специфики работы вынуждены часто находиться в командировках. Например, снабженцы, экспедиторы, экипажи тепловозов... Любая женщина, приобретя «пояс верности», могла бы обеспечить безопасность и неприкосновенность своего тела от насильников, маньяков. Рыбаки, оставляя своих жен на берегу без присмотра, чувствовали бы себя уверенно, отметили бы гнусные сплетни о их порочном поведении.

Идея неплохая и этот бизнес сулил прибыль. Таким способом, Лева пытался остановить упадок нравственности, противостоять накату сексуальной революции. Везде засилье порнографии: фильмы, книги, журналы, иллюстрации. Решили с этой заморской заразой побороться. Рассчитывали на спрос среди рыбаков, моряков и прочих путешественников и туристов.

– Пошел бизнес в гору? – усмехнулся Щеглов.

– Всего несколько штук купили, любопытства ради, – махнул рукой Степан. – По части маркетинга прокол вышел, не изучили спрос. А тут еще после распада Союза рыбацкий флот разграбили долбанные политики. Морякам теперь не на чем рыбу в морях и океанах тралить, сидят на суше под боком у своих жен и ждут у моря погоды, проедают ранее заработанную валюту. С одной стороны их женам повезло, не надо искать утех с любовниками, а с другой, семейные бюджеты отощали, что чревато скандалами, ссорами и разводами.

Теперь за тридевять земель и морей никто не ходит. Витрины в фирменном рыбном магазине «Волна», где прежде был богатый выбор экзотических рыб, оскудели и опустели. Остались лишь хамса, килька и тюлька, которые раньше стоили копейки, излишками кормили на фермах скот, а ныне эта мелюзга на вес золота...

– Да, были времена, когда во время путины из Керчи во все края шли поезда и фуру, пропахшие рыбой, – с грустью подтвердил Щеглов.

– Лишь несколько экипажей на старых сейнерах гоняются за хамсой, килькой и другой мелюзгой по Азовскому и Черному морях. На этом «тюлькином флоте» за тысячи миль от родного берега не уплывешь, поэтому и потребность в «поясах верности» отпала.

– Против сексуальной революции никакие «пояса верности» не устоят, – улыбнулся Владимир. – Несокрушим основной инстинкт. Прежде, чем заняться выпуском, следовало изучить труды Фрейда об интимных отношениях мужчины и женщины. Обанкротились?

– Срочно поменяли название МЧП и профиль, – ответил Клуна. – Шьем кожаные изделия – куртки, ветровки, юбки, кепки, перчатки, сумочки и прочую мелочь... А с Хрусталем расстались без грусти и печали. Он из тех, кого к рабочему станку не привяжешь, привык баклуши бить и сливки снимать. Года три до развала Союза он работал на тунцеловой базе «Красный луч». Было такое уникальное судно, но потом завязло на верфи в Югославии. Капитальный ремонт затянулся и сказывают, что расплавили на иголки.

Такова судьба многих рыбацких траулеров и сейнеров. Старые списали на металлолом, а те, что по новее, за бесценок продали за рубеж и лишили рыбаков удочки. Лева занялся куплей-продажей, то есть откровенной спекуляцией, за которую раньше давали срок, а сейчас, даже поощряют торгашей и барыг. Как и многие челноки оптом скупал барахло в Польше и

Турции, сдавал бабушкам, и они за определенный процент торговали на рынке. Говорят, что он в этом деле преуспел.

– Да, слишком преуспел и приказал долго жить, – сухо сказал капитан. Он опросил еще несколько человек, знавших Хрусталева и пришел к выводу, что тот был типичным спекулянтом. Торговал всем, начиная от презервативов, прокладок, женского белья и бижутерии, фальшивых «французских» духов и кончая бельгийскими коврами. Все, что имело спрос, тащил на барахолку.

На следующий день после гибели Хрусталева прокурор дал санкцию на арест его вкладов в двух коммерческих банках. На одном счету значилось 36 тысяч, на другом 28 тысяч долларов США и 13 тысяч евро. Не хило для смутного времени.

5

Алика Мошкина они выследили в пивном баре «Погребок». Он был под “градусом”, едва держался на ногах.

– Ребята-а, угощаю-ю! Я кум королю-ю, – полез он с кружкой в руке обниматься. А вокруг в тесном, прокуренном погребе шумела захмелевшая публика. Табачный дым смешался с рыбным запахом.

– Молчи, козел, – прошептал Алику на ухо Койот. Двое других стали теснить его к крутой лестнице, ведущей к выходу.

– Што, што вы, братки? – всполошился Мошкин, – Шас пиво допью...

– Коньяк будешь пить, пять звездочек? – спросил его Койот. – Тебе по рангу полагается.

– Буду-у, даже с одной звездой, – радостно заблестели глаза Алика. – Давай, наливай!

– Не в этой же забегаловке, – презрительно сплюнул на ступеньку Койот. – Потерпи, хлебни свежего воздуха, а то вонючий, как бомж, того и гляди, в каталажку, или в психушку загремишь.

Они втроем подвели Мошкина к серым “Жигулям”, усадили на заднее сидение и резко тронули с места.

– Коньяка захотел аристократ. Сейчас напоим до жеребьячьего ржания. Тебя удавить мало, – ткнул его в бок острым локтем Койот. – Что ты нам наплел насчет шкатулки с драгоценностями и жемчугом?

– Голову даю на отсечение, – вмиг протрезвел Алик. – Своими глазами видел, перстень на палец примерял. Много всяких цепочек, колец золотых, самоцветов браслетов свинцовых.

– Свинцовых, ха-ха-ха! – рассмеялся Койот. – Темнота ты, забитая, только сумасшедший может хранить свинец в шкатулке. По всем признакам, платина, столь же ценная, как и золото.

– Лева тоже говорил о какой-то платине, когда я попросил его отпилить или отрубить кусок на грузило для удочки, – вспомнил Мошкин и часто заморгал воспаленными веками.

– Слышь, Сундук, – обратился Койот к угрюмому верзиле. – У Мошки от алкоголя крыша поехала, он из платины вздумал грузила плавить.

– А что Хрусталь, зажил ли шкатулку? – спросил Алик.

– Лева сыграл в коробок, а шкатулку куда-то спрятал, – с трудом разжал тяжелые челюсти Сундук. – Если будешь артачиться и тебе дурную кровь пушу.

У Алика от этой угрозы голос сел и нижняя челюсть отвисла. Он испуганно забился в угол машины. «Какая к черту платина, какое золото», – с тоской подумал он.

– Что притих, как сурок? – вывел его из состояния прострации Койот. – Хрусталь из-за жадности поплатился. Не захотел по-братски поделиться. Может и для тебя жизнь-копейка? Сундук тебе быстро оформит путевку к архангелам.

– Где шкатулка? – прорывав, вцепился клешнями в тощую грудь Алика сидящий рядом Сундук.

– Ей бога, не знаю, – взмолился Мошкин. – Может ее кому-нибудь подарил или отдал?

– Держи карман шире, у Хрусталя среди зимы снега не выпросишь, за копейку удавится, чтобы он кому драгоценности подарил, – возразил Койот и, чуть подумав, продолжил. – А вот на хранение кому-то мог передать. Кому?

– Кому, говори? – глухо повторил Сундук и больно вцепился пальцами в подбородок Мошкина. – Раздавлю, как блоку. Ты знаешь всех его баб?

– Много их у него было, – захлебываясь слюной, прохрипел Алик.

– Последнюю кралю называй.

– Динку Панкратову, что ли?

– Давно у них пашни?

– Больше месяца. Она хвасталась, что Лева собирается на ней жениться.

– Это серьезная заявка, значит, доверял, очаровала она его, – подал голос Койот. – Хрусталь каждый месяц баб менял, а эта его приворожила. Шкатулка может быть у нее. В его квартире мы все перерыли, ведь это не иголка. Алик жизнь в твоих руках. Поможешь нам – не обидим, а если сжульничаешь, то пеняй на себя. Отправим тебя в последнюю командировку, следом за Хрусталем и устроим поминки, – утешил Сундук. – Хоть ты я мелкая гнида, но и от тебя может быть прок.

– Готов помочь, – вздохнул Мошкин. – Пропадать, так с музыкой.

– Это другой базар, – похлопал его широкой ладонью по узкому плечу Койот и подал початую бутылку коньяка. – На-ка, хлебни, гляжу озяб, еще какая зараза свалит с ног. Нам доходяга не нужен.

Мошкина с трудом оторвали от бутылка, словно телок от вымени.

– У этой Дианы на квартире еще кто-нибудь живет? – спросил Койот. Захмелевший Алик не сразу понял, о чем речь, его пришлось привести в чувство.

– Дочка Ира, в восьмом классе учится, – сообщил он.

– Ты сможешь нам ее найти.

– Нет, нет, без меня, – поняв их намерения, воспротивился Мошкин.

– Коньяк, значит, выпил и в кусты, – обозлился Койот. – От себя пайку оторвали. Сундук сделай ему иглоукалывание.

Широкоплечий верзила с явно садистскими наклонностями, только и ждал этой команды. Скаля желтые лошадиные зубы, он достал из кармана куртки большой тесак. В тусклом свете нажал на кнопку. Послышался щелчок, блеснуло стальное лезвие, Сундук с откровенным удовольствием потянулся к горлу Алика.

– Щас я тебя пощекочу, шелковым станешь...

– Не надо, не надо, – завопил тот, защищаясь растопыренной ладонью. – Я, я согласен...

– Оставь его, – сжалился Койот. Сундук с огорчением спрятал тесак.

– На квартире Панкратовой нам появляться опасно, – вслух рассуждал Койот. – Опера, наверняка, держат хату под наблюдением. А дочка у нее молодая, долго дома не усидит. Надо ее подстеречь и заманить. Это сделаешь ты, Алик. Она тебя знает. Пригласишь в машину, прокатиться с ветерком. Девки любят быструю езду, иномарки, крутые тачки им подавай. На границе все помешались, а нам и дома хорошо, правда, Сундук?

– Угу, – отозвался тот. – Были бы «бабки», значит, будут и бабы, водка, сауна и другие удовольствия.

– Давай, позови девку, дальше мы сами разберемся. Понял? – Койот ткнул Мошкина в хилое плечо.

– Понял, – скривился Алик от тупой боли.

Не доезжая метров двести до здания, в котором находилась квартира Панкратовой, остановились, припарковав «Жигули» в полуосвещенном проулке. Мошкин с водителем-молчу-

ном Богданом вышли на улицу, а Койот и Сундук остались в машине. Через час из темноты вынырнул Алик с рослой девушкой, а следом водитель.

– Ира, не бойся, это мои закадычные кореша, – сказал Мошкин, пригласив девушку в салон. – Сейчас с ветерком прокатим тебя по городу, а потом, как королеву, к самому порогу дома. За матушкой твоей никто так не ухаживает, так что гордись и знай себе цену. С пацанами, наверное, уже целуешься направо?

– Мамку дядя Лева на иномарке возит, – возразила она.

«Возил», – хотел поправить он, спохватился, чтобы девушка не заподозрила ловушки. Ирина села между Койотом и Аликом. Чтобы развеять гнетущую, как на похоронах, тишину, Богдан включил магнитола. Поплутав по улицам, приехали в пригород, где на крутых склонах гнездились одно и двухэтажные дома в окружении хозяйственных построек, летних кухонь, бань, сараев, огороженных палисадников.

Наконец осознав, что ее заманили в ловушку, Ира потребовала, чтобы ее отвезли домой или отпустили.

– Дядь Алик, прикажите им, – со слезами на глазах умоляла она Мошкина. Он сидел, насупившись, втянув голову в плечи. Молчал, будто лишившись дара речи.

– Здесь я приказываю, – мрачно отозвался Койот. – Сиди смирно и выполняй мои команды, иначе никогда не увидишь свою мать.

– Предатель, несчастный алкоголик! – колотила она слабыми руками Мошкина в тощую грудь. Поняла, что не он командует парадом и все уговоры, взывание к совести и милосердию, бесполезны. Едва она набрала в легкие воздух, чтобы закричать и призвать на помощь, как Койот грубо зажал рот широкой ладонью. Ирина забилась в его крепких руках, как раненая птица.

– Цыц, цыц, блоха! – крикнул он. – Потерпи немного и приедем. Хорошо отдохнешь, повеселишься, а будешь кричать, схлопочешь по репе.

Мошкина сковал патологический страх. Он лишь мысленно казнил себя за трусость, но не смел пошевелить пальцем. Въехали в глухой, оплетенный виноградной лозой, двор. Девушка порывалась кусаться и царапаться. Ей связали руки и заперли в кладовку без окон. Несколько минут Ирина кричала, стучала в дверь ногами, а потом, устав, затихла.

– Что ты задумал? – спросил Сундук у Койота, когда они вчетвером расположились в комнате за столом. – Обменяем Ирку на шкатулку, – ответил Койот. – Напрасно ты замочил Леву. Совсем озверел, шума много наделал.

– Так он, жмот, шкатулку не отдавал, – хмуро произнес Сундук. – Я считал, что она у него дома, а он перехитрил.

– Индюк тоже думал и в суп попал, – урезонил он его. – А что, если баба сдала шкатулку в милицию?

– Тупой ты, Сундук, как сибирский валенок, – осадил его Койот. – Где ты видел такую бабу, чтобы она добровольно от драгоценностей отказалась? Плохо женщин знаешь. Украшения, парфюмерия, косметика, разные тряпки и обувь – на этом все женщины помешались.

Сундук понурил голову, но, услышав всхлипы в кладовой, оживился.

– А телка, того, созрела, сочная, – облизнул толстые губы. – Может, распечатаем? Все равно, рано или поздно ей предстоит начинать, чтобы не остаться старой девой.

– Остынь, ни один волос не должен упасть с ее головы, пока не получим шкатулку, – сурово приказал Койот.

– Мне ее волосы не нужны, – грустно ухмыльнулся поделщик.

– Пойди, Мошка, спроси насчет шкатулки. Наверняка, она знает о ее наличии. Узнай, где именно хранят драгоценности. Скажи, что, как только произойдет обмен, отпустим домой. Нам не с руки осложнять ситуацию, натравливать на себя ментов.

Мошкин, не смея ослушаться, подошел к стальной двери кладовой.

– Ира, Ирочка, не сердись, я сам не знал о коварном замысле. Они хотят знать, видела ли ты у своей матери шкатулку с жемчугом, драгоценностями, золотыми кольцами, перстнями, браслетами, кулонами и другими изделиями с камнями самоцветами? – виноватым голосом спросил он.

– Уйди прочь, я не хочу с тобой разговаривать, – сквозь плач ответила она. – Алкаш проклятый... Ради бутылки готов родную мать продать.

– Ира, сам себе противен, но ты должна подумать о своем спасении, – чуть слышно прошептал он. – Я знаю этих зверей, они на все способны. Никакие драгоценности не стоят твоей жизни. Они из-за шкатулки убили Хрусталия.

– Дядя Лева убит? – девушка замолчала, осмысливая жуткую весть, призналась. – Мама примерно неделю назад говорила о какой-то шкатулке. Я ее не видела, а вот бусы из настоящего жемчуга надевала. Красота! Говорят, что жемчуг из раковин со дна морского добывают, очень дорого стоит.

– Да, дорого, поэтому за ним и охотятся. Ты только скажи, где сейчас находятся бусы?

– У мамы.

“Значит и шкатулка у нее”, – догадался Алик и о своем предположении сообщил Койоту. Тот обрадовался и, потирая толстые мясистые ладони, приказал:

– Веди девку сюда. Пусть напишет письмо матери, живо!

Сундук открыл кладовку, и девушка, испуганно озираясь, вошла в комнату. Ее усадили за стол, дали листок бумаги и ручку.

– Пиши матери, чтобы она взамен тебя отдала нам шкатулку с драгоценностями, – велел Койот. – О своем решении пусть сообщит нам через Алика в течение суток. Иначе сама понимаешь, не маленькая, Сундук любит красивых девочек.

– Очень люблю, – облизнулся тот, пожирая юную заложницу наглыми глазами. Пока Ирина писала, он не отрывал взгляда от ее упругой груди под лилового цвета шелковой блузкой, округлых бедер и длинных ног в черных ажурных колготках. “Мамочка, родненькая, отдай ты им эту проклятую шкатулку. Тогда мы снова будем вместе. Сообщи быстрее через Мошкина о своем решении. Моя жизнь в опасности. Любящая тебя дочь Ира”.

– Молодец, трогательно, аж слезу вышибает, – прочитав текст, написанный неровным от волнения почерком, похвалил Койот.

– Какое материнское сердце не дрогнет. Добавь обязательно про жемчуг и золото, а то получается, что нас интересует лишь пустая шкатулка и, тогда тебе, крошка, ужин гарантирую.

Она послушно дописала про жемчуг и золото, но от ужина отказалась, хотя заметно было, что проголодалась.

– С характером, гордая, – с оттенком похвалы произнес Койот. Ее вновь, чтобы не искушать Сундука, заперли в кладовой, снабдив матрацем и одеялом. Ключи главарь спрятал в карман. Затем запечатал письмо в конверт и подал Мошкину.

– Утром оно должно быть у Панкратовой, – приказал он. – Если заложишь нас ментам, то пристрелю, как плешистую собаку. А теперь одна нога здесь, а другая там, чтоб мои глаза тебя не видели. Шкатулку доставь завтра к девяти часам вечера в пивбар «Погребок». Не вздумай стащить хоть одну цапку, отыщем из-под земли и деревянный тулуп обеспечим.

Для убедительности Койот достал из-под полы куртки тускло блеснувший холодной сталью пистолет:

– Видел такую «игрушку»? Ухлопаю, пикнуть не успеешь. Мошкин быстро ретировался, растворившись в кромешной ночной темноте.

– Василий Николаевич, товарищ майор. Прибежала гражданка Панкратова и заявила о том, что у нее пропала дочь. Ушла на дискотеку и не возвратилась. Подруги не знают, где она, – сообщил дежурный.

– Срочно машину! – приказал майор и стал осторожно, чтобы не потревожить жену, одеваться. Но Елена, привыкшая к ночным звонкам, сквозь сон спросила:

– Что случилось?

– Спи, родная, наверное, учебная тревога. Через час дадут отбой, – Василий бережно прикрыл ее одеялом. – Ничего особенного, служба такая, скоро вернусь...

– Господи, этому не будет конца, – прошептала она привычную фразу, погружаясь в дремоту.

Белозерцев был озадачен информацией дежурного. «Опоздал, опоздал...», – напряженно пульсировало в висках. – Значит, они все-таки решились на похищение. Это и следовало ожидать, подвела беспечность». Он был уверен, что их действия связаны с убийством Хрусталева, ибо удар нацелен на его сожительницу Панкратову через самое уязвимое место – дочку.

У подъезда взвизгнули тормоза. Майор спустился по лестнице и сел в УАЗ. «Случайного совпадения быть не может, – рассуждал он по пути в УВД. – По-видимому, с Хрустальевым у них не все чисто получилось. Поэтому вместо того, чтобы “лечь на дно”, они проявляют активность. Зачем похитили девчонку? Чтобы получить удовольствие, но для этого хватает девиц легкого поведения, причем по низкой таксе.

Почему выбор пал именно на Ирину Панкратову? Нет, здесь возможен иной мотив – похищение с целью шантажа, вымогательства, либо мести. Хотя чем можно поживиться у одинокой женщины. Ее квартира роскошью не блещет. Другое дело была бы она преуспевающим коммерсантом или банкиром».

Майор припомнил скромный интерьер ее однокомнатной квартиры со старой мебелью, стенкой «Кипарис» и потертым паласом.

Озадаченный ситуацией, Белозерцев быстро вошел в фойе перед дежурной частью, твердо решив побеспокоить Щеглова. Сознание сверлила мысль: «Если Ирину Панкратову похитили те же, кто убил Хрусталева, то они с девочкой церемониться не станут. Ее здоровье и жизнь под серьезной угрозой. Медлить нельзя. Однако беспричинно они бы ее не похитили».

Когда Василий приблизился к дежурной части, наперерез подбежала женщина, в которой он, не без сомнений, узнал свою недавнюю собеседницу Диану Панкратову. Она была в домашнем халате, волосы растрепаны, а в больших глазах застыла скорбь.

– Я сама, я сама виновата, никогда себе не прощу, – словно заклинание повторяла она, подавая майору письмо. Напряженно со страхом и проблесками надежды, вглядывалась в его лицо, пока Василий читал строчки, написанные девичьей рукой.

– Что же вы, Диана Аскеровна, ничего не сказали о шкатулке, скрыли эту очень важную информацию? – укоризненно покачал головой майор. – Обострили ситуацию.

– Вы меня об этом не спрашивали, – возразила женщина, но он не стал вдаваться в полемику, лишь спросил:

– Это почерк вашей дочери? Узнаете?

– Да, Ирочкин. Черт меня попутал с этой шкатулкой, – неумело оправдывалась она. – Спасите, выручите мою дочь, единственную кровинку. Век вам буду благодарна. Это она написала, ее рука... А шкатулку мне Хрусталев на хранение дал, предчувствовал свою гибель.

Белозерцев по телефону сам поднял следователя Щеглова.

– Вставай, Володя, потом досмотришь цветные сны, работа подвалила горячая, – сообщил он, заслышав в трубке голос коллеги.

– Почему, как на пожар? Подождал бы до утра, – упрекнул капитан.

– Нельзя ждать, надо действовать по «горячим следам», – напомнил его же любимое изречение майор. – Злодеи похитили несовершеннолетнюю дочь Дианы Панкратовой Ирину и

требуют от матери выкуп в виде шкатулки с жемчугом и другими драгоценностями, которую они намеревались найти в квартире Хрусталева в день убийства. Жизнь девочки в опасности, эти отморозки непредсказуемы.

– Тогда ты, Василий, прав. Ситуация очень даже горячая, нельзя терять ни минуты. Высылай машину, я готов, – произнес следователь бодрым голосом. Похоже, что сон с него, как рукой сняло.

Белозерцева утешало то, что теперь он знал намерения преступников, мог предвидеть варианты их очередных действий и принять адекватные меры.

– Я хотела, как лучше, – продолжала причитать Панкратова. – Думала, если Лева убит, то в гроб он шкатулку не возьмет, да и не к чему там драгоценности, он же не скифский царь и не египетский фараон. Затаила ее, чтобы не отобрали в доход государства. Нам с Ирккой при нашей хронической бедности и нужде сгодятся. Да и не чужие мы ему, вместе под одной крышей жили и одним воздухом дышали...

Деньги дочке потребуются на учебу, а потом на свадьбу, ведь года через три-четыре ей под венец, чтобы не перезрела и не осталась старою девицей. Жаль, расписаться в ЗАГСе с Хрустальевым не успела. Прости меня, Лева, ради Бога. Если бы я знала, что так обернется. Правильно мудрые люди говорят, что на чужом горе свое счастье не построишь. Грешна, каюсь.

– Диана Аскеровна, перестаньте себя винить и казнить?

– Я так, на всякий случай, может, когда чем-то его ненароком обидела, скупилась на ласки и нежные слова, – призналась женщина.

– Где шкатулка? – прервал майор ее воспоминания.

– Здесь, со мной, дома оставлять опасно и ненадежно, вдруг нагрянут, – женщина поспешно, озираясь на входную дверь, достала из сумки красивую шкатулку и подала ее Белозерцеву.

– Кто вам передал письмо?

– Мошкин Алик, спившийся мужик.

– Когда придет за ответом?

– Я ему сразу же без лишних раздумий ответила, что согласна отдать шкатулку, только пусть доченьку, отпустят, и чтобы пальцем ее не тронули, не надругались над юным телом. Пригрозила глаза им выцарапать, если они, звери, испортят девочку, насильничают.

– Правильно, жизнь человека дороже безделушек, пусть даже золотых и платиновых, – заметил Василий и открыл шкатулку. Она была почти доверху наполнена кольцами, серьгами, браслетами, кулонами, цепочками и другими изящными ювелирными изделиями из золота, платины и серебра с бриллиантами и самоцветами рубинами, сапфирами, изумрудами, топазами..., старинными золотыми монетами. Отливаясь перламутром, сияли нанизанные на нить бусы из жемчуга. От них, завораживая взор, исходили сияние и теплота.

– Да, здесь целое состояние! – воскликнул Василий. – Поэтому вы и не смогли устоять перед соблазном. Наверное, также поступила и любая другая из женщин, да и мужчин, окажись в его руках такое богатство. Ясно, с какой страстью Остап Бендер, Киса и отец Федор гонялись за двенадцатью стульями, в одном из которых были сокровища.

– Так то в книжке. Автору, что в голову пришло, то и сочинил, а здесь в реальной жизни, ничего не надо придумывать, – подала голос женщина, немного придя в себя, благодаря уверенности майора.

– Ничего не утаили? Какое-нибудь колечко, браслетик на память о Хрустальеве?

– Нет, – смущенно промолвила Панкратова.

До прибытия следователя майор с помощником дежурного – старшиной милиции в присутствии Дианы составили подробную опись содержимого шкатулки – 53 драгоценные изделия и низка жемчужных бус в количестве тридцати трех.

– На сколько здесь? – поинтересовался старшина.

–Трудно сказать,— улыбнулся Белозерцев.— Ювелиры подсчитают точно. Дождемся оценки товароведческой экспертизы, ведь некоторые из изделий, особенно старинные монеты, ценные не столько, как благородный металл, а как историческая реликвия, артефакты. В таких случаях стоимость в несколько раз выше номинала. Одно скажу, что неумная жажда стяжательства и алчности, часто чревата трагическим исходом.

Обязательно найдутся те, кто польстится на чужое богатство, нередко добытое преступным способом. Это подобно тому, что вор у вора дубинку украл. Во всем нужна разумная мера. Жизнь человека коротка и не следует ослеплять ее золотом, ведь в могилу его никто не заберет. Поэтому у меня вызывают симпатию и доверие люди честные, скромны и милосердные, а не мошенники-олигархи, сколотившие огромные состояния на эксплуатации, крови и страданиях граждан.

Вскоре прибыл следователь капитан Щеглов. Василий ввел его в курс событий. Шкатулку с содержимым заперли в сейф в камере хранения вещдоков и опечатали. Чтобы поспешными действиями не навредить делу и не рисковать жизнью Ирины, решили сначала взять Мошкина. Панкратовой строго наказали самостоятельных опрометчивых поступков не предпринимать. Диана Аскеровна немного успокоилась, когда доставшие ее домой двое сотрудников из патрульно-постовой роты остались в подъезде охранять ее квартиру.

Белозерцев и Щеглов, не мешкая, выехали на квартиру Мошкина. Полусонный Алик, поднятый настойчивыми звонками с постели, долго не открывал дверь. Ключ, вставленный изнутри в дверной замок, свидетельствовал о его присутствии. Наконец послышались шаги и испуганный голос:

– Койот, Сундук. Это вы?

– Гражданин Мошкин! Милиция, открывай, а то взломаем дверь,— потребовал следователь.

– Милиции-я!? Погодите, давно жду,— обрадовался Алик. Открыл дверь и предстал у порога – худой в черных семейных трусах до колен, с впалой грудью, втянутой в плечи головой и ершистыми волосами. Он часто моргал воспаленными веками. Нервный тик лишь подчеркивал его жалкий затравленный вид.

– Почему сам не сообщил, если ждал? Явка с повинной смягчает меру наказания,— пояснил майор.

– Хотел, но боялся, что они выследят и зарежут. Им человека убить, что муху прихлопнуть,— пожаловался Алик.

– Конспиратор, – усмехнулся следователь.— Жалкая твоя душа. Живешь по принципу: своя рубашка ближе к телу и от собственной тени шарахается.

– Ты их знаешь? Фамилии, адреса?

– Одного, водителя «Жигулей» Богданом зовут, а у двоих клички – Койот и Сундук. Последний из них особенно свирепый. Обитают где-то в пригороде, в частном секторе. Точно и помню, пьян был и темно.

– Оружие какое? – допытывался Василий.

– У Койота, он главарь, я видел пистолет, а у Сундука большой нож. Слышал, что у них еще есть автомат какого-то Калашникова, купленный на «черном» рынке.

– Что с девушкой Ирой? Жива ли она, не изнасиловали?

– Держат взаперти, пока не трогают. Койот не разрешает, но Сундук звереет, глаза кровью, как у колхозного быка, наливаются, он на бабах помешан. Каждую девицу стремится подмять под себя.

– Когда и где ты должен передать им шкатулку? – спросил Щеглов.

– Они приказали утром забрать ее у Панкратовой, а в девяти вечера они привезут Ирку к пивному бару «Погребок». Я отдаю шкатулку, а они в тот же миг отпускают девушку и..., как говорится, гуляй Вася!

– Ты насчет Васи придержи язык, – рассердился майор.

– Я без всякого понта, – покаялся Мошкин, запоздало вспомнив, что Белозерцева зовут Василием. – Присказка есть такая, а в городе даже открыто кафе «У Васи».

Вместе с Мошкиным прибыли в УВД и поначалу намеревались взять преступников ночью, но для этого предстояло отыскать их логово. Надежда на то, что Алик все же вспомнит адрес, место расположения жилья, была призрачной.

Поразмыслив, отказались от лобовых, а значит рискованных действий. В случае перестрелки не обошлось бы без жертв. Возникла бы и реальная угроза для жизни заложницы. Преступники воспользовались бы ее безвыходным положением ради спасения собственных шкур. Наверняка, выдвинули бы условия: деньги, машину, самолет для бегства за рубеж.

Такое развитие событий оперативников, конечно же, не устраивало. Профессионализм спецслужб, групп захвата заключается в том, чтобы с минимальным использованием боевого оружия, исключая потери в своих рядах, суметь достичь цели – задержать, обезвредить, а в критических обстоятельства уничтожить преступника.

Если у них, действительно, на вооружении автомат Калашникова, то с таким грозным убойным оружием, пустив его в ход, они совершат немало бед.

– Мы должны их, во чтобы то ни стало, переиграть, – сказал Щеглов. – Если и рисковать, то с умом и точным расчетом. Лишний раз не подставлять свои головы и грудь под бандитские пули. При этом не должны пострадать посторонние люди.

Больше двух часов они дотошно разрабатывали план операции по освобождению заложницы, обезвреживанию и захвату преступников. Важная роль отводилась Мошкину, как посреднику между Панкратовой и Койотом. Только бы Алик в последний момент не сдрейфил. Не будучи полностью уверенными в его надежности, решили подстраховаться, ибо цена ошибки слишком высока.

Утром они посвящают в детали плана начальника угрозыска подполковника Бурцева, а затем полковник Ребров утвердит план операции. Расстались, когда в окна кабинета забрезжил холодный осенний рассвет. Для отдыха уже не оставалось времени.

7

Осенний сырой вечер плотной пеленой окутал, словно ватным одеялом, город. В мелкой измороси поблескивали разноцветные огни рекламы и редкие уличные фонари. Прохожие стремились побыстрее попасть: одни домой, другие, что при валюте, в казино, рестораны или кафе. Поток мчались легковые автомобили, среди которых, хоть и поблекшим, но респектабельным видом отличались подержанные иномарки.

Мужская публика в такое время в основном обитала в пивных барах, на дискотеках, в казино, видеотеках и в компьютерных клубах. Преуспевающие на этом шустрые ребята в черных костюмах и белых сорочках с бабочками, обслуживали клиентов в малиновых пиджаках и до чертиков в глазах крутили порнографические фильмы, завезенные контрабандой.

Как только рухнула советская система, игорный и шоу-бизнес с каждым годом набирал обороты, опустошая кошельки азартных клиентов.

Мошкин после инструктажа, проведенного Щегловым и Белозерцевым, спрятав под курткой шкатулку, за пятнадцать минут до встречи с Койотом, пришел в пивной бар. Чтобы исключить неожиданности, держась поодаль, его сопровождал следователь, внимательно наблюдавший за обстановкой. Планы преступников могли измениться в одночасье. Вдруг они решат перехватить Мошкина по пути в пивбар. Чтобы этого не произошло, Щеглов и спецназовцы, следовавшие по противоположной стороне улицы, были готовы к такому повороту событий. Очевидно, Койот и его подельники решили не рисковать, а устроить дело полюбовно.

До того, как Мошкин появился в пивбаре, там, не привлекая внимания завсегдатаев, за стойкой расположился Белозерцев. Пребывая в потертой робе он пил из кружки золотистого цвета пива, закусывал кусочками вяленой воблы. Ни один из посетителей, спускавшихся по лестнице в погреб, не ускользнул от пристального взгляда майора. В баре нарастал гомон, под каменными сводами плыл сизый дым. Вальяжный, раздобревший на пиве, бармен с пышными усами, за спиной которого громоздились бочки, едва успевал наполнять кружки.

Белозерцев мельком взглянул на именные часы. В этот момент появилась группа посетителей. Впереди, раздвигая локтям публику, шел высокий мужчина крепкого телосложения с крупной головой и выпирающей нижней челюстью. За ним следовал другой, чуть ниже ростом, но тоже крепкий в плечах. На секунду он остановился, окинул помещение беглым взглядом, задержал его на Мошкине, и двинулся дальше.

“Судя по описанию Алика, это Сундук и Койот, – решил Василий. – А где третий, водитель Богдан? Возможно, он стережет заложницу. Может они замыслили переиграть Панкратову, заберут шкатулку и на радостях оставят себе девушку для плотских утех. Надо предупредить Щеглова. Главное, вырвать из их рук девчонку, она не должна пострадать».

Майор заметил, как Койот и Сундук оттеснили Мошкина в дальний затемненный угол. Воспользовавшись ситуацией, Белозерцев расстегнул куртку и по портативной радиостанции связался с капитаном:

– Володя, сообщи, контролируешь ли ты “Жигули”, в которых Ирина Панкратова и один из преступников?

– Да, контролирую, – услышал он отзыв Щеглова.

– Тогда направь ко мне одного из спецназовцев, а со вторым захватывай «Жигули». Действуем одновременно.

Белозерцев увидел, что Мошкин заунывился. «Молодец, действует по инструкции, не отдает шкатулку, пока не возвратят девушку», – подумал офицер. Койота и Сундука неожиданная строптивость Алика насторожила, к тому они уловили треск работающей радиостанции, которую Василий позабыл выключить.

– Мошка, сволочь, – отчетливо произнес Койот и навес ему короткий, но острый, как укол рапиры, удар под дых. Тот медленно, словно тряпичная кукла, стал сползать по шершавой кирпичной стене. Койот успел выхватить из-под полы его куртки шкатулку.

Проверять ее содержимое у него не было времени. Нутром ощутил опасность в этом замкнутом пространстве погребка. Сундук хотел было прикончить ножом корчащегося на каменном полу Алика, но главарь дернул ого за руку, дав понять, что срочно надо уходить.

– За что вы его, ребята? – к ним, добродушно улыбаясь с потухшей сигаретой, якобы за “огоньком”, приблизился майор.

– Прочь, не суй нос в чужие дела, – грозно навис над ним Сундук, прикрывая собой Койота. Краем глаза Василий заметил, как сквозь толпу к нему пробирается спецназовец. Резким приемом майор выбил нож из руки Сундука. Койот, держа в левой руке шкатулку, а в правой пистолет, устремился к выходу.

– Ложись! – кричал он. – Всех перестреляю! Мне терять нечего. Прочь с дороги!

Захмелевшая испуганная публика отпрянула по сторонам, кто прижался к стене, кто залез под стойку. Спецназовец попытался выбить из рук Койота пистолет, но тот, изловчившись, выстрелил. Пуля прошла в нескольких сантиметрах над головой и раскаленной осой впиалась в деревянную бочку. Ошалевший бармен спрятался за стойкой, а из пробойны фонтаном вырвалось пенное пиво.

Сундук вступил в поединок со спецназовцем, а Койот устремился по лестнице к выходу. «Уйдет, сволочь, уйдет», – Белозерцев до последнего сдерживал себя от применения оружия, чтобы от пули случайно не пострадали посторонние. Но теперь ситуация вынуждала действовать решительно.

– Койот, брось оружие! – приказал Василий, прицеливаясь из пистолета Макарова.

Злодей не растерялся, выстрелил одновременно с майором. Василий ощутил сильный удар в плечо, но устоял на ногах, его спас бронежилет. Увидел, как пистолет выпал из обессилевшей руки бандита и со стуком скатился по ступеням. Койот разжал пальцы и, обронив шкатулку, схватился за место ранения левой рукой.

Шкатулка ударилась о ступеньку и раскрылась из нее посыпались блестящие безделушки, низка белых пластмассовых бус...

– Золото-о! – раздался чей-то удивленный хмельной крик. – Налетай, братва, здесь на всех хватает...

Кто-то успел поднять и спрятать в карманы несколько латунных и медных изделий.

– Не трогать золото! Стоять на месте, – придя в себя, Мошкин отважно расталкивал посетителей, с недоумением оглядываясь на Белозерцева.

– Всем стоять, ничего не трогать! – приказал майор. Несколько мужчин помогли задержать Койота и Сундука. Их руки сковали стальные наручники. Василий изъясил нож со скрытым лезвием и положил в целлофановый пакет для экспертизы. Туда же, положил пистолет, выпавший из раненой руки Койота. Главарь свирепо огрызался, не желая смириться с тем, что их карты оказались битыми. Злобным взглядом испепелял оклемавшегося от удара Мошкина.

– Жаль, что я тебя не прикончил, – брызгал на его слюной Сундук. – Ничего, ты пойдешь, как соучастник, в СИЗО на нарах свидимся, там и расквитаемся сполна... Жить тебе немного осталось.

Такая перспектива Алика и он с тоской и надеждой поглядел на майора, ожидая подтверждение или опровержение прогноза.

– Мошкин пойдет свидетель, он помог следствию, – сообщил Василий и заметил радость в глазах Алика и разочарование на угрюмом лице Сундука.

8

Задержанных погрузили в автозак и отправили в УВД. Поместили в отдельные камеры изолятора временного содержания. Вскоре появились Щеглов с Дианой Панкратовой и ее дочерью Ирой. У нее были искусанные припухшие губы.

– Повязал водителя Богдана, – сказал следователь. – Едва ты мне сообщил о «Жигулях» я со спецназовцем стал приглядываться к авто, что находились поблизости от пивбара. Вдруг слышим в одной из машин девичий плач, всхлипы. Незаметно приблизились. Глядим, на заднем сидении парень терзает девушку, срывая с нее одежду, колготки. Она из сил выбилась. Вовремя успели, иначе бы ей худо пришлось. Явная попытка изнасилования.

Мгновенно кирпичом разбили лобовое стекло, взломали дверцу. Он так был поглощен девушкой, что не сразу сообразил, в чем дело. Быстро изъясил автомат Калашникова со снаряженным магазином. Оружие лежало на водительском сидении, прикрытое курткой.

– Спасибо вам, век не забуду, – растроганно благодарила их Диана Панкратова и, смущаясь, робко спросила. – Что со шкатулкой будет? В музей ее сдадут или еще куда? Я ведь Хрусталеву не чужая была. Любил он меня, я не скупилась, всегда отвечала взаимностью. Царство ему небесное. Жаль дарственную не успел оформить.

– Лева, как тот Казанова, не только вас любил, но и на других не жалел свой пыл. Еще три гражданских жены-любовницы или сожительницы претендуют на его квартиру, машину и другое имущество, – огорчил ее следователь. – Суд решит, у кого больше прав на наследство. Эх, Диана Аскеровна, вы еще о шкатулке, жемчуге и золоте печетесь. Благодарите судьбу, что все хорошо обошлось с вами и вашей дочерью. Из-за того, что пытались утаить драгоценности, пострадали другие люди. Поглядите на это...

Владимир указал на клочок ткани, вырванной пулей из куртки Белозерцева.

– Да, будет тебе, Володя, героя из меня делать, – пожурил его Василий, – Такая у нас служба – охранять и защищать людей от злодеев.

– Вы ранены? – всполошилась Панкратова. – Вам больно? Простите меня, ради Бога.

– Бронежилет выручил, – майор для убедительности постучал по стальным пластинам бронежилета и посоветовал. – Вы Ирину обязательно покажите врачу. Ей необходима психологическая реабилитация. В юном возрасте душа очень ранима.

– Завтра пройдите судмедэкспертизу, – велел следователь. Белозерцев взглянул на часы: 21.33. Заключительная часть операции заняла десять минут. Вскоре они собрались в кабинете полковника Реброва.

– Молодцы, сработали отлично, не ударили в грязь лицом, – произнес он с воодушевлением. – Генерал Москалев уже проинформирован об успехе операции и ждет от нас представление на поощрение отличившихся. Я велел замполиту Жаркову срочно подготовить документ, чтобы без ложной скромности, по делам и честь.

– Без выстрелов, к сожалению, не обошлось, – заметил Василий.

– Да, я знаю. Преступники час от часа наглеют, сколачивают банды, – устало произнес полковник. – Против них надо действовать решительно и твердо, без компромиссов, когда под угрозой жизнь человека. Это не мелкие карманники или домушники и хулиганы. Эти ворочают круто и люто. Судя по всему, вы взяли группу рэкетигов, не успевших сформироваться в классическую структуру. Я имею в виду четкое распределение ролей: боевики, казначеи, «мозговой центр» и так далее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.